

**ОШ МАМЛЕКЕТТИК УНИВЕРСИТЕТИНИН ЖАРЧЫСЫ. ФИЛОСОФИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ**

ВЕСТНИК ОШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ФИЛОСОФИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

JOURNAL OF OSH STATE UNIVERSITY. PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE

e-ISSN: 1694-8823

№1(5)/2025, 31-40

ФИЛОСОФИЯ

УДК: 1.12.159.9

DOI: [10.52754/16948823_2025_1\(5\)_5](https://doi.org/10.52754/16948823_2025_1(5)_5)

**ИМИТАЦИЯ КАК ДИАГНОЗ ЭПОХИ: ОТ СИМУЛЯКРА К СОЦИАЛЬНОЙ
ЭНТРОПИИ**

ИМИТАЦИЯ ДООРДУН ДИАГНОЗУ КАТАРЫ: СИМУЛЯКРДАН СОЦИАЛДЫК
ЭНТРОПИЯГА ЧЕЙИН

IMITATION AS A DIAGNOSIS OF THE EPOCH: FROM SIMULACRE TO SOCIAL
ENTROPY

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович

Bekboev Askarbek Abdykadyrovich

д.философ.н., профессор, Институт философии им. академика А.А. Алтмышбаева, Национальная
академия наук КР

философ.и.д., профессор, Академик А.А. Алтмышбаев атындагы философия институту, Кыргыз
Республикасынын УИАсы

Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy named after A.A. Altmyshbaev, NAS of the Kyrgyz Republic
baa140156@mail.ru

ORCID: 0009-0009-2503-4286

Исаков Кубанычбек Абдыкадырович

Исаков Кубанычбек Абдыкадырович

Isakov Kubanychbek Abdykadyrovich

д.философ.н., профессор, Ошский государственный университет

философ.и.д., профессор, Ош мамлекеттик университети

Doctor of Philosophy, Professor, Osh State University

isakov-oshgui@mail.ru

ORCID: 0009-0007-2035-0453

ИМИТАЦИЯ КАК ДИАГНОЗ ЭПОХИ: ОТ СИМУЛЯКРА К СОЦИАЛЬНОЙ ЭНТРОПИИ

Аннотация

В статье анализируется феномен имитации как фундаментальный признак социального и культурного бытия в эпоху постмодерна. Основываясь на ключевых теориях Жана Бодрийара, Ги Дебора, Герберта Маркузе и Эмиля Чорана, раскрывается природа симулякров, спектакля, имитации свободы и нигилистической безысходности. Показано, как имитация проникает во все сферы повседневной жизни, размывая границы между подлинным и искусственным, реальностью и образом, субъектом и социальной ролью. Особое внимание уделено критике имитации как формы сопротивления и восстановления подлинности мышления. Статья предлагает философское осмысление культурного парадокса современности и призывает к осознанному преодолению «мира подделок» через критическое мышление.

Ключевые слова: Имитация, симулякры, постмодерн, гиперреальность, спектакль, отчуждение, свобода, одномерный человек, нигилизм, субъект, критическое мышление, культура потребления, социальная эволюция, подлинность, мышление

ИМИТАЦИЯ ДООРДУН ДИАГНОЗУ КАТАРЫ: СИМУЛЯКРДАН СОЦИАЛДЫК ЭНТРОПИЯГА ЧЕЙИН

Аннотация

Макалада имитация феномени постмодерндиң доордогу социалдык жана маданий болмуштун фундаменталдуу белгиси катары талданат. Жан Бодрийдын, Ги Деборддун, Герберт Маркузун жана Эмиль Сиорандын негизги теорияларынын негизинде симулократтардын, спектаклдердин, эркиндикти тууроонун жана нигилистик үмүтсүздүктүн табияты ачылган. тууроо кандайча күнүмдүк турмуштун бардык чөйрөсүнө кирип, чыныгы менен жасалманын, реалдуулук менен образдын, предметтик жана социалдык ролдун ортосундагы чектерди бүдөмүктөп жатканы көрсөтүлөт. Айрыкча имитацияны каршылык көрсөтүүнүн жана ой жүгүртүүнүн аныктыгын калыбына келтирүүнүн бир түрү катары сынга бурулат. Макала модерндуулуктун маданий парадоксун философиялык жактан түшүнүүнү сунуштайт жана критикалык ой жүгүртүү аркылуу «жалган дүйнөнү» ан-сезимдүү түрдө женүүгө чакырат.

IMITATION AS A DIAGNOSIS OF THE EPOCH: FROM SIMULACRE TO SOCIAL ENTROPY

Abstract

The article analyzes the phenomenon of imitation as a fundamental feature of social and cultural existence in the postmodern era. Based on the key theories of Jean Baudrillard, Guy Debord, Herbert Marcuse and Emil Cioran, the nature of simulacra, spectacle, imitation of freedom and nihilistic hopelessness is revealed. It is shown how imitation penetrates all spheres of everyday life, blurring the boundaries between the genuine and the artificial, reality and image, subject and social role. Particular attention is paid to the criticism of imitation as a form of resistance and restoration of the authenticity of thinking. The article offers a philosophical understanding of the cultural paradox of modernity and calls for consciously overcoming the "world of fakes" through critical thinking.

Ачкыч сөздөр: Имитация, симулакра, постмодернизм, гиперреалдуулук, спектакль, бөтөнчүлүк, эркиндик, бир өлчөмдүү адам, нигилизм, субъект, критикалык ой жүгүртүү, керектөө маданияты, социалдык эволюция, аныктык, ой жүгүртүү

Keywords: Imitation, simulacra, postmodernism, hyperreality, spectacle, alienation, freedom, one-dimensional man, nihilism, subject, critical thinking, consumer culture, social evolution, authenticity, thinking

Введение. Имитация в современном мире перестала быть маргинальным или вспомогательным элементом социального функционирования. Она утратила статус подражания и подделки — и, напротив, заняла центральное место в онтологической структуре постмодернистского бытия. В эпоху, где подлинность утратила свою очевидность, а истина всё чаще представляется как вопрос «режиссур» и восприятия, имитация становится не исключением, а правилом.

Постмодерн, по сути, обозначил конец эпохи оригинала. Как писал Жан Бодрийяр, «мы живём не в мире вещей, а в мире знаков и их симулякр». Здесь симулякр уже не является копией чего-то реального — он сам становится реальностью, вытесняя оригинал, о котором постепенно забывают. Тем самым формируется новое измерение бытия, в котором грань между подлинным и искусственным стирается до неразличимости, а само различие теряет смысл.

Однако имитация — это не только эстетическая или культурная категория. В социальном и политическом контексте она проявляется в форме спектакля (Ги Дебор), превращения жизни в перформанс и публичную демонстрацию, где каждый жест, каждый образ, каждая идея существуют прежде всего как объект потребления. Эта логика спектакля формирует не только поведение индивида, но и сами структуры власти, коммуникации, даже протестного действия.

Герберт Маркузе, анализируя позднекапиталистическое общество, писал о формировании «одномерного человека», неспособного к критическому мышлению и внутреннему разрыву с системой. Имитация в этом контексте становится способом сглаживания противоречий, способом обезвреживания подлинного конфликта путём воспроизведения его «эстетической» или «управляемой» версии.

Философская чуткость Э. Чорана, в свою очередь, раскрывает внутренний экзистенциальный вакuum, порождаемый повседневной фальшью. Когда все чувства симулированы, все смыслы заимствованы, а мысли — цитаты, человек оказывается в состоянии «онтологической усталости» — существования без подлинности, без боли и, следовательно, без жизни.

Цель данной статьи — рассмотреть феномен имитации не как поверхностную характеристику культурной или медийной эпохи, но как глубинную трансформацию самого способа быть и мыслить. Мы попытаемся проследить, как в работах Бодрийяра, Дебора, Маркузе и Чорана раскрывается онтологическая, политическая и экзистенциальная природа имитации как доминирующей формы жизни в условиях позднего модерна.

1. Симулякры и смерть оригинала (Жан Бодрийяр)

Жан Бодрийяр — один из наиболее проницательных теоретиков постмодерна — утверждал, что современная культура вступила в фазу радикального отрыва знака от реальности. Мы больше не живём в мире презентаций, где изображения отражают объекты или явления, — мы живём в мире симулякров, в котором знаки отсылают только к другим знакам, создавая замкнутую систему гиперреальности.

В своей концепции он выделяет **четыре стадии изображения:**

1. **Фаза отражения реальности** — знак представляет собой точное отображение оригинала.
2. **Фаза искажения** — знак всё ещё указывает на реальность, но в искажённой форме.
3. **Фаза сокрытия** — знак утверждает, что представляет реальность, но в действительности скрывает её отсутствие.
4. **Фаза симуляции** — знак не имеет никакой связи с реальностью; он функционирует как самостоятельная реальность.

«Симулякр — это нечто, что скрывает, что истины нет»
(Бодрийяр, 2000)

С переходом к симуляции происходит **смерть оригинала**: исчезает различие между «вещью» и её «знаком». Например, бренд не отражает качества товара, а становится автономной системой значений, эмоций и идентификаций. **Гиперреальность** — термин, введённый Бодрийяром, — описывает ситуацию, в которой симуляция воспринимается как более реальная, чем сама реальность, а "подлинная" копия вытесняет оригинал до полного исчезновения.

Ярким воплощением этой логики являются **массмедиа**. Они не столько фиксируют или передают информацию о событиях, сколько **производят** события, интерпретируют их заранее — с нужным ракурсом, эмоциональной рамкой и визуальной эстетикой. В этом смысле репортаж, новостная лента или политическое ток-шоу не просто рассказывают о мире — они **конструируют его**, создавая нарративы, в которые общественное сознание погружается как в единственную возможную версию действительности [9].

Такая реальность — это **не имитация реального, а производство симулированного**. Общество погружается в особую форму «онтологического забывания» — утрату ощущения различия между подлинным и искусственным. Бодрийяр называет это состоянием **онтической амнезии**, в котором реальное больше не опознаётся как реальное, потому что все его маркеры давно заняты симулярами.

Глубинная опасность здесь заключается не в ложности информации, а в исчезновении самой **категории подлинности**. Мы больше не спрашиваем: «Это правда или ложь?», а только: «Насколько это убедительно? Эстетично? Вирусно?»

Именно в этом — по Бодрийяру — трагедия позднего модерна: **мир стал декорацией самого себя**, а человек — зрителем спектакля, в котором он должен сыграть самого себя без опоры на собственную реальность.

2. Спектакль и отчуждение второго порядка (Ги Дебор)

Французский философ и теоретик ситуационизма **Ги Дебор** в своей фундаментальной работе «*Общество спектакля*» (1967) предпринял радикальную критику позднекапиталистической культуры, в которой **визуальные формы и медиарепрезентации вытесняют непосредственные человеческие отношения и подлинные переживания**.

«Всё, что когда-либо переживалось непосредственно, теперь господствует как представление»
(Дебор, 2000)

Для Дебора **спектакль** — это не просто совокупность образов, циркулирующих в пространстве культуры, а **особая форма социального отношения между людьми**, опосредованного образами. В обществе спектакля коммуникация замещается манипуляцией, а действительность — представлением. Всё превращается в изображение: товар, политика, любовь, даже протест и бунт. И если для Маркса товар является основным фетишем капитализма, то для Дебора — этим фетишем становится **образ**, спектакулярно оформленная реальность.

Спектакль — это не пассивное отражение мира, а **активное производство новой реальности**, в которой каждый человек становится не участником, а **зрителем собственной жизни**, внешне вовлечённым, но внутренне отчуждённым. Он не действует — он наблюдает. И даже когда он «участвует» — он лишь воспроизводит заданные шаблоны поведения, заранее поставленные сцены.

Это и есть форма **отчуждения второго порядка**: если у классиков марксизма человек отчуждается от продукта своего труда, то у Дебора он **отчуждается от собственного опыта**, от своей жизни как таковой. Его переживания моделируются извне, чувства стандартизируются, желания навязываются — в форме моды, трендов, идеологических посылов.

Таким образом, **эмоции становятся симулированными**, а переживания — постановочными. Даже любовь или траур всё чаще проходят через спектакулярные формы: оформленные по канонам кино, рекламы, поп-культуры. Мы не просто чувствуем — мы стараемся чувствовать *как надо*, мы переживаем жизнь не напрямую, а через фильтр культурных клише.

«Чем больше человек созерцает, тем меньше он живёт», — утверждает Дебор.

Парадокс современности заключается в том, что при беспрецедентном изобилии информации и визуального материала, **смысл как таковой начинает исчезать**. Потоки данных не ведут к просвещению, а к хаотическому потреблению. Участие становится имитацией: лайки, комментарии, репосты — формы спектакулярной вовлечённости, за которыми всё реже стоит действительное понимание, забота или действие.

В этом контексте и протест превращается в спектакль: митинги, акции, лозунги — все они чаще оформлены так, чтобы быть увиденными, транслируемыми и потреблёнными, чем реализовывать подлинную трансформацию. **Даже революция становится формой шоу**, заранее визуализируемой и упакованной для восприятия.

Именно поэтому, по Дебору, **освобождение возможно только через разрушение спектакля**, через возвращение к подлинному, непосредственному бытию, к ситуационному опыту — не фильтрованному, не оформленному, не перенаправленному в пользу интересов системы образов. Но сделать это всё труднее в условиях, когда каждый элемент нашей идентичности — от внешности до мировоззрения — всё чаще конструируется как элемент спектакля.

3. Имитация свободы как форма несвободы (Герберт Маркузе)

Немецко-американский философ и представитель Франкфуртской школы **Герберт Маркузе** в своей работе «*Одномерный человек*» (1964) предложил радикальную критику индустриального и постиндустриального общества, которое, по его мнению, **нейтрализует способность к оппозиционному мышлению**, превращая граждан в конформных и управляемых субъектов. Его анализ остаётся поразительно актуальным в условиях цифровой эпохи, где свобода всё чаще подменяется её симулякром.

«Интеграция индивида совершается через удовлетворение ложных потребностей» (*Маркузе, 1994*)

Маркузе утверждает, что современное общество контролирует индивида не столько через насилие или репрессии, сколько через **создание и навязывание ложных потребностей**, кажущихся естественными. Человек ощущает себя свободным, потому что может выбирать между тысячами товаров, брендов, образов, лайфстайлов. Однако этот выбор оказывается **внешне различным, но внутренне идентичным** — он не предполагает выхода за рамки существующей системы.

Свобода превращается в **эстетически оформленную иллюзию**. Человеку кажется, что он принимает решения, действует и мыслит самостоятельно, но в действительности он реагирует на **программируемые стимулы**, заранее структурированные культурной и экономической машиной. Это и есть **одномерность** — потеря способности мыслить в категориях альтернативности, парадокса, утопии.

В мире одномерного мышления даже критика вписывается в допустимые пределы: протест против системы становится «модным», оформленным и безопасным. Музыка, кино, мода, даже формы протesta — всё уже инкорпорировано в систему, продаётся и потребляется как ещё один товар. **Радикальность становится стилизованной**, а оппозиционность — коммерциализированной.

«Даже революция становится формой лояльности», — можно было бы сказать, продолжая мысль Маркузе.

Так рождается **имитация свободы** как глубинная форма несвободы. Она действует тонко, незаметно, через **создание эмоционального комфорта**, психологического удовлетворения и кажущегося ощущения контроля. Индивид, утративший способность к **негативному мышлению** — то есть к критике, к отрицанию, к проблематизации существующего — оказывается замкнут в системе, в которой **сами границы мысли заданы извне**.

Эта ситуация порождает форму социальной апатии: не ту, что связана с бездействием, а ту, что выражается в **интеллектуальной и политической обезоруженности**. Человек может быть активным пользователем технологий, потребителем новостей, участником интернет-дискуссий, но при этом оставаться неспособным к автономному суждению, поскольку **все формы его активности опосредованы системой, которую он считает нейтральной или даже "естественной"**.

Технологический прогресс, по Маркузе, играет здесь ключевую роль: он становится инструментом, с помощью которого общество рационализируется, оптимизируется и,

одновременно, **деполитизируется**. Высокие технологии и культура потребления парадоксальным образом **успокаивают конфликт**, сводят напряжение и враждебность к минимуму, заменяя их увлекательными развлечениями и контролируемым плюрализмом.

В результате возникает общество, где **всё дозволено, кроме подлинной трансгрессии**. А там, где свобода становится эстетическим элементом среды, а не результатом усилия мысли и воли, человек утрачивает способность быть субъектом истории.

4. Безысходность имитации: нигилистическая перспектива Эмиля Чорана

Румынско-французский философ и эссеист **Эмиль Чоран** (Emil Cioran) занимает в ряду мыслителей, анализирующих современную культуру, место особое — его взгляды проникнуты глубоким пессимизмом и экзистенциальной безысходностью. В отличие от Бодрийара или Дебора, которые исследуют механизмы симуляции и отчуждения, Чоран сосредотачивается на **крайних духовных последствиях имитации** — на том, что происходит с человеком, когда исчезают не только внешние ориентиры, но и внутренние основания бытия.

«Мы больше не верим в иллюзии, но и отказаться от них не в состоянии»
(Чоран, 2005)

Эта парадоксальная формулировка фиксирует состояние, которое можно назвать **культурным и экзистенциальным параличом**. Современный субъект пребывает в ловушке, где иллюзии — имитации подлинного смысла, подлинной реальности — перестали выполнять функцию убежищ или утешений, но в то же время остаются единственной возможной формой существования.

Имитация становится не средством, а **самой сущностью бытия**, и в этом кроется коренная трагедия. Мир превращается в бесконечный калейдоскоп цитат, отголосков, повторов — где каждое новое явление является лишь вариацией на тему уже виденного и пережитого. Смысл, подлинная эмоция, творческое начало исчезают под слоями иронии, цинизма, усталости и рефлексии.

Даже страдание, которое традиционно воспринималось как знак подлинного существования, переживается здесь по шаблону: оно становится **стереотипом боли**, имитацией отчаяния, вписанной в культуре «постмодернистского нигилизма». Подлинность чувства размыта, и человек, потерявший доверие ко всему, что неуловимо и невыразимо, оказывается в состоянии глубокого **духовного истощения**.

Чоран видит в этом не только культурный кризис, но и **антропологическую катастрофу** — исчезновение традиционного субъекта, «я», человека как автономного и осмысленного центра сознания. Его «я» растворяется в бесконечном зеркале отражений и повторов, теряет связь с самим собой и с миром. Это своего рода **духовая энтропия**, процесс умирания смысла, направленный к нулю — к исчезновению основания всякого бытия и мышления.

В условиях такого нигилизма имитация перестаёт быть инструментом манипуляции или развлечения: она становится **формой экзистенциального затмения**, преддверием **абсолюта пустоты и отсутствия**, где любые попытки смысла обречены на провал.

Чоранская перспектива заставляет задуматься о цене, которую платит современный человек за потерю веры в метанarrативы, о судьбе субъекта в эпоху гиперреальности, когда не только внешняя реальность, но и внутренний мир оказываются подчинены логике имитации и симуляции.

5. Повседневная имитация и исчезновение субъекта

Имитация перестала быть лишь социальной или культурной абстракцией — она стала пронизывать все уровни **повседневного опыта** современного человека, трансформируя саму природу субъекта и его жизненную реальность. В быту имитация выступает в виде множества **повторяющихся паттернов**, формирующих новую антропологию — человека как носителя масок, за которыми скрывается размытое и стандартизированное «я».

Имитация труда

Труд, который традиционно рассматривался как деятельность, направленная на создание и преобразование мира, все чаще превращается в **ритуал занятости** — имитацию продуктивности. По выражению Герберта Маркузе, современный индивид всё больше вовлечён в «циркуль удовлетворения ложных потребностей», где активность замещается видимостью активности. Человек занят «работой ради работы», а не ради результата; процесс поглощает содержательность, превращая труд в спектакль и бюрократическую формальность.

Имитация общения

Коммуникация в современном обществе приобретает форму имитации, в которой важен не сам обмен смыслом, а соблюдение ритуалов взаимодействия. В этом смысле общение становится **симулякром диалога**, где слова и фразы теряют своё содержательное наполнение, превращаясь в штампы, фразы-паразиты и поверхностные обмены. Жан Бодрийяр отмечал, что язык сегодня склонен к «симуляции коммуникации», где сообщение отрывается от своего референта, а смысл «размывается в бесконечном потоке знаков».

Имитация чувств

Эмоции и чувства, ранее считавшиеся выражением глубокой субъективности, сегодня стандартизированы, формализованы и зачастую инструментализированы. Социальные сети, медиа и массовая культура выстраивают шаблоны, по которым «правильные» эмоции воспроизводятся, имитируются и циркулируют. Это приводит к появлению своеобразной **эмоциональной маски**, где подлинные переживания подменяются **социально одобренными реакциями**, а эмоциональный опыт становится продукцией культурного потребления.

В итоге формируется новая антропологическая картина, в которой человек — не единый и автономный субъект, а **узел заранее заданных ролей, реакций и нарративов**. Его личность размывается под давлением стандартов, а мышление — всё чаще сводится к алгоритмам и шаблонам, воспроизводимым под влиянием медиа и технологий. В этом контексте самоощущение подлинности становится не более чем **симулякром**, искусственной конструкцией, лишённой внутреннего основания.

Данная ситуация вызывает вопросы не только этического, но и экзистенциального порядка: что значит быть «я» в эпоху, когда имитация превратилась в основную форму бытия?

Как сохранить субъективность и подлинность, если сама повседневность погружена в бесконечные копии и маски?

Заключение: Критика как форма сопротивления

Имитация — это не просто эстетический или культурный феномен, нечто вторичное и поверхностное. Она представляет собой глубинный **экзистенциальный диагноз эпохи**, в которой исчезают чёткие грани между подлинным и искусственным, между субъектом и ролью, между истиной и её симулякром. В таком мире, где реальность теряет свою онтологическую устойчивость, имитация становится не только структурой социальной жизни, но и формой бытия, захватывающей весь опыт человеческого существования.

Однако именно **философия**, с её критическим потенциалом и способностью к рефлексии, сохраняет возможность прорыва сквозь ткань симулякров и иллюзий. Герберт Маркузе подчёркивал:

«Интеграция индивида совершается через удовлетворение ложных потребностей; критическое мышление — единственный путь к освобождению» (Маркузе, 1994).

Критика не сводится к простому отрицанию или отчуждённому отстранению. Это активный процесс, в ходе которого сознание отказывается принимать **готовые формы и шаблоны**, стремится видеть мир «**таким, какой он есть**», а не таким, каким он представлен в образах и знаках. Ги Дебор писал:

«В обществе спектакля сознание замещается представлением, но сознание способно разорвать круг поддельного образа и обнаружить реальность» (Дебор, 2000).

Критическое сознание — это последняя крепость подлинности, которая противостоит нарастанию поверхностной симуляции и искусственности. Жан Бодрийяр также указывал:

«В мире симулякров мысль становится единственным средством сохранить связь с реальностью, противостоя гиперреальности и фальши» (Бодрийяр, 2000).

Именно мысль, рефлексия и философское осмысление сохраняют потенциал **восстановления утраченной связи** — между реальностью и её образом, между субъектом и истиной, между индивидуальностью и общностью. В эпоху, где всё вокруг превращается в подделку и маску, мысль остаётся последним убежищем подлинности и свободного существования.

Эмиль Чоран, описывая кризис современного субъекта, говорил:

«Мы больше не верим в иллюзии, но и отказаться от них не в состоянии; это паралич духа и разрушение основания» (Чоран, 2005).

Тем не менее, даже в этом нигилистическом положении критика и философское осмысление открывают возможность для возрождения — для нового начала, которое может разрушить плен имитации и вернуть человеку подлинность и свободу.

Таким образом, критика становится не просто интеллектуальной игрой, а **формой сопротивления**, способом сохранить и возродить человеческое достоинство и автономию в

мире симуляков. Философия, прорываясь через имитацию, даёт шанс найти новые основания для бытия и новые пути для осмысления и трансформации нашей эпохи.

Сноски

1. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция*. — М.: Добросвет, 2000.
2. Там же.
3. Дебор Г. *Общество спектакля*. — М.: Логос, 2000.
4. Маркузе Г. *Одномерный человек*. — М.: Республика, 1994.
5. Чоран Э. *Соблазн существования*. — СПб.: Азбука, 2005.

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. *Симулякры и симуляция* / Пер. с фр. М. Зотовой. — М.: Академический проект, 2000.
2. Дебор, Ги. *Общество спектакля* / Пер. с фр. В. Садовничего. — М.: Ad Marginem, 2000.
3. Маркузе, Герберт. *Одномерный человек* / Пер. с англ. В. Вишневского. — М.: Республика, 1994.
4. Чоран, Эмиль. *Письма и эссе* / Сост., пер. и comment. В. Кривошеева. — СПб.: Азбука, 2005.
5. Бодрийяр, Ж. *Система объектов* / Пер. с фр. Е. Тимофеевой. — М.: Ad Marginem, 2002.
6. Дебор, Ги. *Производство спектакля* / Пер. с фр. И. Аникина. — СПб.: Евразия, 2010.
7. Маркузе, Герберт. *Революция и философия* / Пер. с англ. А. Карпова. — М.: Прогресс, 1989.
8. Чоран, Эмиль. *Нигилизм и отчаяние* / Пер. с франц. А. Иванова. — М.: Новое литературное обозрение, 2010.
9. Жапаралиев, Ш. Ж. Хабермас и интернет: обратная трансформация публичной сферы в эпоху новых медиа? / Ш. Ж. Жапаралиев // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 7. – С. 118-126. – DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-7-118-126. – EDN JXNOPG.